

Литература и жизнь.

За последнее время все чаще и чаще поднимается вопрос о терпимости, о безыскусственности человеческого нравственности, о преступности грубой травли человека человека; все чаще и чаще раздаются святые слова: "Нельзя ни эллин, ни еврей". Вместе съ идеей человечества развивается идея человечности, развивается идея "человека". Не все проникаются этими идеями. Здесь оправдываются слова Берне: "Обнаруживают крайнюю нетерпимость люди, проповедующие терпимое, тогда какъ самые нетерпимые люди обнаруживают наибольшую терпимость". Терпимость и прогресс идут рука обь руку и если у васъ имеются факты, доказывающие, что вопросъ о терпимости теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было "сердца волнуетъ, мучить", если у васъ подъ руками факты общественного заявления о необходимости этой терпимости, мы можемъ сказать:—значитъ, жизнь идетъ впередъ и береть свое у времени. Такими фактами развѣ не являются неудачи Литвина и Эфрана, Велички и присныхъ, съ театральныхъ подмостковъ пытавшихся провозгласить ненависть къ людямъ, и:ко вѣрующимъ, иако думающимъ?! Такими фактами развѣ не являются рѣчь Стаковича и отношение къ ней почти всѣхъ органовъ печати?!

"Савль, Савль, поче ты меня гонишь?!"—когда то раздался голосъ Христа. Раздается этотъ голосъ и теперь, заглушаемый шумомъ и суетой нашей материальной жизни. И всякий разъ какъ Савль слышитъ этотъ голосъ, онъ изъ Савла обращается въ Павла... Пусть же этотъ голосъ вырастаетъ въ пѣснь торжествующей любви и заставляетъ людей расковать мечи на сердца, заставляетъ смолкнуть злобное рычанье тигровъ рыкающихъ, отвратительный хохотъ шакаловъ-грабокопателей—вѣдь живемъ мы не въ средаѣ вѣка, а въ двадцатомъ столѣтіи.

У Альфреда Мюссе есть великолѣпный художественный образъ: "Вѣчность—говорить

поэту—это орлиное гнѣздо. Изъ этого гнѣзда, какъ молодые орлы, вылетаютъ столѣтія, чтобы поочередно облетѣть вселенную. Теперь наше столѣтіе,—писалъ поэтъ о 19-мъ вѣкѣ,—очутилось у края гнѣзда; оно выглядываетъ оттуда, но ему отрѣзали крылья, и оно ожидаетъ смерти, неподвижно уставивъ взоръ въ бесконечное пространство, облетѣть которое не имѣть силъ..." Хотется вѣрить, что у двадцатаго столѣтія отростутъ крылья и на этихъ крыльяхъ высоко подниметъ человека орелъ надъ неправдою и злобой земли и у этого орла хватить силъ облетѣть вселенную...

Къ чести нашей литературы надо сказать, что она никогда не обрѣзывала крылья у могучаго орла, наоборотъ, всячески старалась защищать его отъ тѣхъ, которые приходили изъ тьмы временъ, чтобы пришибить ненавистную птицу. Мы говоримъ о той литературѣ, которая выражала, а не поддѣльвала общественное мнѣніе.

Что же теперь говорить наша литература по вопросу о терпимости? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, или вѣрѣ—на частицу этого вопроса, могутъ послужить разказъ М. Горькаго—"Погромъ", помѣщенный въ Сборникѣ на помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая, и разказъ Евреинова—"Мойша", появившійся въ сентябрьской книжѣ *Русскаго Богатства*.

Мы не будемъ говорить о громадномъ содержаніи указанного Сборника,—для этого слишкомъ много надо мѣста; сошлемся лишь на рецензію о немъ въ томъ же *Русскомъ Богатствѣ*, съ которой мы вполнѣ согласны. Рецензія указываетъ на то, что не въ самомъ материалѣ сборника суть. „Все дѣло въ той высокой и человѣколюбивой идеѣ, которою объединенъ материалъ, въ томъ стремленіи возстановить нарушенную справедливость, которымъ проникнуто все изданіе. Помимо содержанія хорошимъ является въ этой книжѣ самый фактъ ея выхода въ свѣтъ: въ ней помочь не однѣмъ голоднымъ но и обездоленнымъ, лишеннымъ правъ; въ ней протестъ и дружная демонстрація христіанской интелигенціи противъ дикой и сѣлой

национальной непріязни, противъ насилия надъ людьми иной вѣры, другихъ оби- чаевъ".

Мы остановимся на одномъ лишь рассказѣ изъ этого сборника, рассказѣ М. Горькаго, который является по едѣ родственнымъ разсказу Евреинова. Въ обоихъ рассказахъ авторы описываютъ еврейскіе погромы; вѣ- нее: описываетъ Евреиновъ, а Горький изо- бражаетъ со всю силою своихъ сочныхъ и яркихъ красокъ.

Изображаетъ авторъ не развитіе погрома, не его причины, а просто картину погро- ма, который вдругъ, какъ гроза въ душный день, разразился надъ однимъ поволжскимъ городомъ лѣтъ 15 тому назадъ. Читатель сразу погадаетъ вмѣстѣ съ художникомъ въ самый центръ бушующей толпы и въ какомъ то столбикѣ, исполненный ужаса и тоски за брата—человѣка, глядѣть прямо въ безумные очи тысячеголовому звѣрю.

Читатель не знаетъ, какъ это началось, отчего, зачѣмъ, и когда гроза проносится, оставивъ 14 труповъ, онъ долго стоять прикованный къ мѣсту происшествія и спраши- ваетъ себя и автора: какъ это началось? отчего, зачѣмъ?.. Но авторъ не отвѣ- чаетъ.

За то Евреиновъ въ *Русскомъ Боюатствѣ*, видимо, задался цѣлью отвѣтить на эти во- просы. Самое описание происшествія занима- етъ у него второстепенное мѣсто, психологія толпы у него очерчена щекабо, за то онъ пытается ближе взглядѣться въ физіономію этого таинственнаго незнакомца путемъ оп- роса участниковъ съ той и другой сто- роны.

Кто не видѣлъ еврейскихъ погромовъ, тотъ получитъ о нихъ живое представление, чи- тая небольшой разсказъ Горькаго. Авторъ съ удивительнымъ искусствомъ, съ глубокими пассиями, волнившись и негодуя, не сказавъ, а крикнулъ свое слово

Какъ и всегда автору удалось схватить и воплотить въ слово самую атмосферу "про- исшествія"... Всѧ гамма звуковъ, начиная отъ озлобленныхъ криковъ и тупого хохота и кончая подавленными стонами и проно- зи-

тельными криками, вдругъ ударить по серд- цу читателя. Никакой Никита, пребывающій во власти тьмы, не устоитъ передъ волисю этихъ звуковъ. Пусть заткнетъ онъ уши, эти звуки прорвутся въ самое сердце его и заставятъ крикнуть: "косточки, косточки трещать!".. Слушайте же эту страшную гамму звуковъ,— мы постараемся передать ее въ нашемъ сокращенномъ изложеніи раз- сказа Горькаго по возможности словами автора.

Гдѣ то въ слободѣ, раздался глухой серди- тый шумъ, какъ будто заревѣли въ раздра- женіи голодные быки. Толпа людей забила переулокъ своими тѣлами такъ плотно, что онъ похожъ былъ на мѣшокъ, полный зерна. Впереди, гдѣ то далеко еще, раздавался ревъ и визги людей, звенѣли стекла, бухали тяжкіе удары, что то трещало и падало; звуки покрывали другъ друга, какъ облака осеню, и уже плыли по воздуху тяжелую тучей.

Какъ бѣсноватые, они орали что то, под- навѣтъ головы кверху, лица ихъ были крас- ны, въ открытыхъ ртахъ сверкали зубы; они взмахивали руками и толкали другъ друга, лѣзали на крыши службъ, обрывались, падали и снова лѣзли. И несмотря на раз- нообразіе движеній каждого человѣка, во всѣхъ ихъ было что то общее; человѣкъ сталъ членомъ одного огромнаго тѣла, оду- шевленнаго одной и той же могучей си- лой.

А на дворѣ орали: "Сюда, въ кадѣ живе- нять наше! Бей ихъ!—Башкаки о стѣнки! Провизоріальный крикъ ребенка огласилъ воз- духъ,— это былъ звукъ ужасный, въ мутномъ ревѣ толпы онъ сверкнулъ ослѣпительно, какъ молния въ облакахъ. И шумъ послѣ него сталъ какъ бы тише.

На улицѣ ломали стулья, столы, разбива- ли сундуки, со смѣхомъ рвали какіе то одежды. Въ воздухѣ носились перья, изъ оконъ домовъ внизъ къ ногамъ людей летѣ- ли подушки, корзины, мебель, тряпье, а толпа, обезумѣвшая, въ стремлѣніи разрушать, кватала эти вещи и рвала, ломала, била...

Прошелъ огромный мужикъ въ разорван-

ной рубахѣ безъ шапки. Волоса у него были растрепаны, по грязному лицу текла густая почти черная кровь. Онъ размахивалъ рукой и улыбался тупо, довольной улыбкой сытаго звѣри. Вотъ онъ подошелъ къ фонарному столбу, обнялъ его и стала раскачивать, упираясь въ дерево широкой грудью. Фонарь затрясся и слетѣлъ на землю.—Ло-оми-и!—крикнулъ другой мужикъ, подбѣгая къ столбу фонари. Онъ тоже схватилъ его и, ухая, сталъ раскачивать.

Откуда то въ толпу, какъ голубь въ тучу дыма, бросилась девушки въ изорванномъ платьѣ, съ распущенными волосами. Она обжала, заинувъ голову вверху, и глаза на юдномъ лицѣ ея были невѣроятно велики. —“Бей жидовку!”—заревѣлъ кто-то. И девушки исчезла въ густой массѣ людей, какъ крошка сахара подъ кучей мухъ. Раздавалось сладострастное крахѣлье и мягкие шлепки.

—“Раздайся народъ—Зельманъ ѳдетъ!”—Захлесауя ногу Зельмана веревкой, люди везли его по мостовой, а за нимъ оставалась на дорогѣ широкая полоса крови. Сухія, длинныя руки купались въ ней, а между рука въ томъ мѣстѣ, где оне вростали въ плечи, бился о камни безобразный, окровавленный, ободранній комъ.

Размахивая шашкой въ ножнахъ, бѣжитъ полицейскій. Надъ нимъ смеются, ему вдогонку кричатъ: “Держи его! Лови фараона!” Кто-то бросаетъ подъ ноги бѣгущаго разломанный ящикъ, и полицейскій кувыркомъ летить на землю. Громкій хохотъ гремитъ въ воздухѣ.

—“Казаки!—Вѣги, наши! Казаки вдуть!” Въ устьѣ проулка явлеются морды лошадей, мелькаютъ ногайки...

Въ воздухѣ стоять непрерывный гулъ, какъ будто въ немъ невидимо течеть бурная река, раздавая почву на своеи чуті, вся въ пѣнѣ гнѣва, вся въ дикомъ бѣшенствѣ.

Толпа бѣжитъ, какъ стадо барановъ, гаупо, сѣло... За нѣсколько минутъ передъ этимъ люди были звѣриами, безъ жалости и смысла избивавшими такихъ же несчаст-

ныхъ, какъ сами они, а теперь эта только трусы, ихъ тоже быть безъ сти и смысла, а они бѣгутъ троюздорно отъ ударовъ”...

Читателю кажется, что онъ самъ ствуетъ тамъ, на мѣстѣ, и слышитъ ими ушами. Эта иллюзія вызываетъ живостью изображенія. Художникъ даетъ звука въ страшной мелодіи евреевъ погрома нашелъ подходящее слово. Сердитый шумъ, какъ будто заревѣнныя быки... Ревъ и визги людей... разбитаго стекла.. Буханье тяжелыхъ трескъ и паденье... Пронзительный ребенка, сверкнувъши осѣнній въ шумномъ ревѣ толпы... Сладостное крикѣлье и мягкие шлепки... Шумъ, которое влачать, по мостовой и бѣться головой о камни... Смѣхъ озорного плача отчаянья... И наконецъ герой этого, управляющій страшнымъ оркестромъ толпа, это огромное тѣло, одушевленное одной и той же силой...

Что же это за сила?.. Многие сказали, что авторъ не отвѣчаетъ на вопросъ. Впрочемъ, нѣсколько шире точно неизходомъ брошеннаго на землю съзывающаго картины. Обратите внимание на огромнаго растерзаннаго мужика, всѣмъ крикомъ: “Ло-оми-и!” обрушивающаго всей своей силой на... фонарный столбъ. “Силушка по жилушкамъ такъ живучи, переливается, и грузно отъ силушки, отъ тяжелаго беремени”. Но вотъ эта силушка прорвало, и она превратила человѣка въ звѣря, сорвавшагося съ цѣпи... Эта сила сокрушаетъ на пути. Человѣкъ, фонарный столбъ рушатся подъ ея ударомъ. Самой себѣ наносить раны эта сила страшне за нее и жалко ея... Вотъ и что говорить Горькій о характерѣ силы. Подробнѣ эта тема развивается въ романѣ “Мойша”.

(Окончание следуетъ).